

Михаил Лидогостер

ИРИСЫ НЕГЕВА

Михаил
ЛИДОГОСТЕР

ИРИСЫ НЕГЕВА

РОМАН

Издательство
ПЛАНЖ
2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Л55

Оформление обложки Анастасия Иванова

Ирисы Негева / Михаил Лидогостер — М.: Издательство «ПЛАНЖ», 2024. — 256 с.

Роман Михаила Лидогостера «Ирисы Негева» поначалу выглядит как великолепное следование стилю Мураками, но быстро развивается в самобытное полотно, на котором прорисованы детали человека, быта и общества, близкие нашему читателю: от любви менее плотской, чем в Токио, до террористов более конкретных, чем на Хоккайдо. «Ирисы Негева» проводят по сложному пути героев, позволяют спокойно задуматься о важном и, наконец, вдохновляют.

ISBN 978-5-6051036-0-8

© Михаил Лидогостер, 2024

© Издательство «ПЛАНЖ», 2024

Глава 1

Полина поставила на середину стола вазу с нежными фиолетовыми цветами и сказала:

– Это ирисы Негева. Говорят, они помогают человеку услышать свой внутренний голос.

– Внутренний голос? – переспросил я. – Это что-то из области эзотерики.

Полина пожала плечами.

– И что? Есть вполне серьезные учёные, считающие, что эзотерика повлияла на становление психологии. Даже Юнг воспринимал эти вещи, как взаимосвязанные.

Я решил не спорить и посмотрел в окно. День выдался тихим и безветренным, но в воздухе чувствовалось приближение грозы. Откуда-то снизу доносился приглушенный звук радио. Если прислушаться, можно было разобрать сводку новостей.

Полина помешала кофе в турке и по кухне распространился приятный, горьковатый аромат.

– Тебе с молоком?

– Нет, черный.

Она разлила кофе по чашкам и села напротив.

– Что с настроением?

– Все нормально.

За крышами соседних домов виднелось море. Холодное весеннее солнце поблескивало в невысоких волнах. Белые паруса яхт, похожие на верхушки айсбергов, резко выделялись на фоне грузовых судов.

– Не люблю, когда ты такой. Здесь и не здесь одновременно.

Я перевел взгляд на Полину.

Благодаря загару ее смуглая от природы кожа казалась почти бронзовой. Теплую гамму дополнял нежный персиковый полувер с широким воротом.

Некоторое время мы молча пили кофе.

– Знаешь, сколько сортов дикорастущих ирисов существует? – спросила Полина, поправляя стебли в вазе.

– Сто?! – предположил я.

– Больше двухсот.

– Ого!

– Они живут на земле уже более четырех тысяч лет, – в ее глазах блеснули искорки, будто стая рыбок пронеслась в глубокой воде. – Есть мнение, что крестоносцы завезли их в Европу именно отсюда, с Ближнего Востока.

Цветы на столе источали легкий запах ванили.

Надо же, подумал я. Четыре тысячи лет! Выходит, люди любовались ими еще на заре цивилизации.

– Привет всем, кто подключился к нашей волне! День сегодня просто чудесный! Температура в центре страны плюс двадцать два. Тучи, наконец, разошлись, и по прогнозам синоптиков, дождей не будет вплоть до конца недели.

Жизнерадостный голос ведущего заполнил салон моей машины.

– Поздравляю всех, кто болел за «Маккаби» с победой их команды. Матч только что закончился, и должен сказать, мы давно не видели такой уверенной игры. Даже не знаю, в чем здесь секрет.

А вы как думаете?

Оставляйте ваши комментарии в телеграмм-канале. Самые интересные я зачитаю в эфире. Автор комментария, набравшего наибольшее количество лайков, получит специальный приз. Чтобы сохранить интригу, не буду говорить какой. Но, как вы, наверняка, догадались – он связан с футболом.

А пока – пишите или звоните и оставляйте заявки на ваши любимые песни. Впереди у нас целый час, который мы посвятим самой лучшей музыке. Веселой и грустной, танцевальной или медленной – неважно. Главное, чтобы она не оставляла вас равнодушными.

И вот наш первый звонок. Нам дозвонился Юваль из Бейт-Шемеша. Юваль служит в Пограничной полиции и сегодня ему присвоили офицерское звание. С чем мы его и поздравляем! Юваль, ты с нами?»

— Да-да, я здесь. Всем привет!

— Поздравляем тебя с присягой! Тебя и всех твоих сослуживцев!

— Спасибо!

— Волнующий день?

— Честно сказать, да. Есть немного.

— Ха-ха, понимаю. Хорошо, Юваль. Слышу по голосу, что настроение у тебя отличное.

— Так и есть.

— Прекрасно. Что будешь слушать? И кому хочешь передать привет?

— Я хочу передать привет моей сестре, Моран.

— Сестре?

— Да.

— Ну и дела. А как насчет девушки, Юваль?

— И ей, конечно. Но это я предпочитаю сделать лично.

— Что ж, как пожелаешь. Итак, расскажи нам немного о Моран.

Чем она занимается?

— Она учится в «Школе кино и телевидения». Мечтает стать актрисой.

— Вау! Надо же. Пожелаем ей успеха!

— Да, она очень талантливая.

— Уверен, у нее все получится.

— Надеюсь.

— Что же ты хочешь ей сказать?

— Это касается ее бойфренда. Он, в общем, нормальный парень, но... На мой взгляд, они слишком разные. И поэтому часто ссорятся. По большому счету, это не мое дело, но Моран очень переживает, когда у них случается очередной разлад. И поэтому я решил поддержать ее.

— И позвонить нам?

— Да.

— Отличное решение!

— Спасибо... И... Я хочу сказать... Многие пары испытывают проблемы в общении.

— Это точно.

— Так вот, недавно мне попало на глаза интервью одной известной актрисы. И я подумал, раз уж Моран мечтает стать актрисой, ей не помешало бы прислушаться...

— И что же это за актриса?

— Э-э-э... Пока не начал говорить, помнил.

— Ничего, это от волнения.

— Да, наверное. В общем, играет во многих фильмах. Извини, просто не ожидал, что дозвонюсь.

— Все нормально, продолжай.

— Угу, так вот. Эта актриса сказала примерно следующее: проблем в общении не бывает. А бывает общение не с теми.

— О! Это в яблочко.

— И среды проблемной тоже не бывает. А бывает только не твоя.

— Хм...Что ж, Юваль, это, пожалуй, самые неожиданные слова в нашем эфире за последнее время. И какую же песню ты хочешь поставить для Моран?

— Эмиль Бергман. «Old town gain».

— У-у-у. Старая песня.

— Да. Сестре очень нравится эта мелодия.

— Хорошо, Юваль. «Old town gain» в поддержку начинающей актрисы Моран.

— Все верно.

— Что ж, еще раз – с присягой!

— Спасибо.

— Слушаем. Отличная вещь – Эмиль Бергман «Old town gain».

Я остановил машину возле площади.

Под вечер, благодаря многочисленным кафе и барам, это место становилось чем-то вроде центра отдыха для горожан. Да и днём на площадилюдно: в отделениях нескольких банков, парикмахерских, салонах красоты – всегда есть посетители.

Площадь пульсирует жизнью. В ее воздухе смешаны запахи бензина, уличной еды, слишком навязчивого парфюма. А когда направление ветра меняется, то даже здесь, вдали от побережья, отчетливо слышится запах моря.

Посреди площади недавно установили фонтан. В разгар летней жары вода в нем радуется глаз и создает иллюзию прохлады.

Вокруг фонтана, в тени эвкалиптов мэрия установила бетонные шахматные столики. Старики просиживают тут часами. По утрам я им даже завидую – все спешат на работу, а они, деловито разливают по рюмочкам арак, вспоминают прошлое, и неспешно передвигают фигуры.

Заглушив двигатель, я вышел из машины. Возле припаркованных у обочины такси стояли водители – поджидали клиентов и громко о чем-то разговаривали. Один кивнул мне. Остальные лишь мельком взглянули в мою сторону. По обрывкам их разговора я понял, что речь, конечно, о футболе. Похоже, матч, о котором говорили по радио, действительно был захватывающим.

Лавируя между прохожими, я подошел к кафе со средиземноморской кухней. Здесь варили неплохой кофе и готовили вкусную рыбу на углях. В поэтическом названии «Санабрия», вероятно, присутствовала какая-то отсылка к Испании, но я никак не находил время проверить это.

Как я и предполагал, все столики оказались заняты. Только на веранде еще оставалась пара мест.

Что ж, так даже лучше, подумал я, и устроился у самого входа. Отсюда хорошо видна площадь. К тому же, тут можно курить.

Через несколько минут ко мне подошел официант, молодой парень с татуировкой на шее.

Я заказал кофе, бейгл с лососем и греческий салат. Официант не стал ничего записывать. Видимо, запомнил и так.

- Пять минут и будет готово, – уверено пообещал он.
- Отлично. Только кофе, пожалуйста, принеси первым.
- Конечно. Само собой.

Он ушел, а я достал сигареты и уже потянулся за зажигалкой, но в последнюю секунду передумал – услышал рядом детский голос. Обернулся – за соседним столиком сидит молодая женщина с де-

вочкой лет пяти. Малышка ест мороженное и что-то увлечённо рассказывает маме.

Я повертел сигарету в руках, затем сунул обратно в пачку. Что ж, потерплю. Сберегу несколько минут жизни.

Оглядываюсь. От нечего делать рассматриваю посетителей. Среди них совершенно разные люди: молодые, взрослые, пожилые. Израильтяне, иностранцы.

Все о чем-разговаривают, едят. В людском многоголосье слышится как минимум четыре наречия. Может, поэтому мне нравится находиться здесь – на этом перекрестке культур. Наблюдать за их вавилонским смешением. Вдыхать аромат пряностей, свежей выпечки и молотого кофе.

Сквозь множество звуков пробивается мелодия гитары. Почему-то она сразу захватывает меня. На первый взгляд, ничего выдающегося. Мотив незамысловатый. Можно даже сказать, банальный. И все же, что-то в нем есть.

Где-то со второй минуты, до меня доходит, что это та же самая «Old town gain», которую я слышал по радио, только в аранжировке.

Надо же, второй раз за день. Похоже, в теории вероятности обнаружен серьезный баг. И к кому в таких случаях обращаться за поддержкой?

Мелодия пробирается мне под кожу. Кто-то играет вживую. И совсем неподалеку.

Откуда-то приходит осознание, что это исполнение мне знакомо. Только слышал я его не по радио. Где-то еще.

Я повертел головой. В нескольких метрах от веранды, прямо на газоне сидит уличный музыкант.

Выглядит он, мягко сказать, странно. Потертая замшевая куртка родом из семидесятых. Заплетенные в дреды волосы. И надпись «antisocial» на растянутой футболке с v-образным вырезом. На обветренном лице – какое-то отсутствующее выражение. Посмотришь, и сразу ясно – кроме музыки для этого парня ничего вокруг не существует.

Тонкие черты лица можно назвать аристократическими, если бы ни какая-то болезненная заостренность.

Руки в плетеных браслетах легко порхают над гитарой. Мелодия постоянно меняется: то усиливается, то затихает. Полное ощущение

ние, будто парень играет не один, а с аккомпаниатором. Только невидимым.

На мгновение наши взгляды пересеклись. Сначала я подумал, что ошибся, но потом понял – нет, так и есть – глаза у него разного цвета! Правый будто впитал в себя все оттенки синего, а в левом – теплый терракотовый смешался с зеленым.

Может это какие-то линзы? Да вроде нет, не похоже.

Необычное ощущение. Будто на тебя одновременно смотрят два разных человека.

Заметив мое замешательство, музыкант чуть заметно улыбнулся – одними уголками губ, но через секунду снова погрузился в музыку.

Мелодия сменила тональность. Стала более эмоциональной и лирической.

Где же я ее слышал?

Время замедлилось. Будто прошло полчаса. На самом деле – чуть больше минуты.

Я попытался сбросить с себя это внезапное онемение. Встряхнул головой. Выпил воды.

Посетители все так же жевали и звенели столовыми приборами. В сторону музыканта никто не смотрел. Только маленькая девочка, которая сидела по соседству со мной, указала на него ложкой от мороженого и спросила маму:

– А сложно так научиться?

Женщина обернулась, через плечо посмотрела на музыканта и сказала:

– Нужно подолгу заниматься каждый день.

– А может, это просто суперспособность?

– Суперспособность?

– Ну да, как у Леди Баг.

– Хм. Не думаю.

– А давай спросим его?

– Ладно... Только сначала доедим мороженное.

– А с ним поделиться можно?

– Нет.

– Почему?

– Ну, во-первых, потому что он уже взрослый. Захочет – купит себе сам.

— А во-вторых?
— А во-вторых... — женщина постучала пальцами по столу, —
Вдруг он вообще не любит мороженое?
— Как это «не любит»?
— Ну, вот так. Не любит и все. Или у него, скажем, аллергия. Как
у твоего брата. И ему вообще ничего молочного нельзя. Ни моро-
женого, ни пиццу.
— Ни даже йогурт?
— Ни даже йогурт.
Девочка замолчала. На ее сосредоточенном лице проступило не-
довольство.
— И зачем только Бог придумал аллергию?
— Не начинай. У меня голова кругом от этих твоих «зачем».
Подошел официант.
— Кофе готов, — он поставил передо мной чашку. — Остальное
— через минуту.
— Спасибо. Можно сразу чек?
— Хорошо.
Он хотел было уйти, но я спросил:
— Послушай, а этот парень часто здесь играет?
— Не знаю. Я новенький.
— А мелодию эту не слышал раньше?
Парень задумался и почесал подбородок.
— Да вроде бы нет. Не слышал.
— Ладно. Спасибо.
Официант кивнул и отошел к соседнему столику.
Я подул на кофе. Сделал осторожный глоток.
И тут раздался чей-то крик.

Беспечную атмосферу площади накрыло волной страха.
Кто-то вскочил на ноги, кто-то, наоборот, вжался в кресло, за-
крыв голову руками.
— Нож! У него нож! — кричит пронзительный женский голос.
— Врача, врача!
— Кто-нибудь, вызовите полицию!

Девочка рядом со мной, роняет ложку от мороженого на пол. И до меня, наконец, доходит, что я больше не слышу музыканта. Я вообще ничего не слышу. Будто кто-то на мгновение отключил звук, а потом снова включил. Потом (черт знает, сколько времени это занимает) оцепенение спадает.

Не знаю зачем, я выхожу с веранды и пробираюсь через толпу. Расталкиваю людей. Делаю вид, что не замечаю их неодобрительных взглядов. Протискиваюсь вперед.

На брусчатке сидит молодая женщина. Ее плечи вздрагивают от беззвучных рыданий. Она прижимает к груди перемотанную тряпкой руку. Сквозь ткань проступают бордовые пятна.

Парень, лет шестнадцати, объясняется со стоящим рядом мужчиной. Тот не в форме, но очевидно на службе. Голос у паренька дрожит, он обводит толпу взглядом, словно ищет одобрения.

— ...появился из ниоткуда. Я даже не понял, что это нож, пока он не кинулся на женщину. Музыкант вступился, и...

Внутри меня образуется ледяной ком. Чем его растопить? Просто надеюсь, что это ощущение скоро пройдет.

— Как выглядел нападавший?

— Да я разглядеть его толком не успел, — парень нахмурил лоб.

— Все так быстро... Белая майка, синие джинсы. Волосы такие, — он раздвинул указательный и большой пальцы, — средней длины.

— Куда он побежал?

— За магазин, — подросток указал в конец улицы.

— Ясно, — мужчина достал из-за пояса пистолет. Ничего здесь не трогайте. Полиция уже в дороге.

Музыкант лежит на газоне, в нескольких метрах от веранды. Его лицо напоминает театральную маску.словно вся жизненная сила ушла и остался только маленький, едва трепещущий огонек. Невозможно поверить, что за каких-то пятнадцать минут человек может так измениться.

Глаза полуприкрыты. По блуждающему взгляду ясно, что парень уже плохо понимает, где находится. Дыхание прерывистое, неровное, с нехорошим булькающим звуком. Руки слегка подрагивают:

левая вытянута вдоль тела, правая – на животе. Майка в крови. И трава вокруг тоже густо запачкана кровью.

Рядом несколько человек. Средних лет женщина (судя по отсутствию паники – медсестра или что-то в этом духе) и коренастый мужчина в черной кипе. Вокруг кольцо зевак.

У мужчины в руках телефон, по которому он выкрикивает короткие, рубленые фразы:

– ... несколько ножевых, да... Тяжелое.... Срочное переливание.

– Через сколько будут? – не отрывая взгляда от музыканта, спрашивает женщина.

– Минут через пять-семь.

С веранды принесли плед, из тех, что вечером или в холодное время года предлагают посетителям.

Женщина сворачивает плед валиком и кладет музыканту под голову. Находятся и бинты. Видимо, кто-то успел сбежать в аптеку. Она прикладывает их к ранам. Пытается остановить кровь.

У меня слегка кружится голова. Со мной всегда так. Порезанный палец еще ничего, но если рана глубокая, то к горлу сразу подкатывает тошнота. Я надеялся, что с возрастом это пройдет.

Не прошло.

Заметив меня, музыкант приподнимает руку и указывает куда-то в сторону.

– Что? – не понял я.

– ...гитара, – с трудом разлепив губы, произносит он.

Осматриваюсь вокруг. Людей все больше, а инструмента не видно. Наверняка, гитара где-то рядом, но в этой суматохе никому до нее нет дела.

Через пару минут поисков обнаруживаю гитару. Она лежит неподалёку от веранды. Поднимаю ее с земли и возвращаюсь к музыканту.

Парень застыл в той же позе. Взгляд устремлен в небо. На лице никакой боли и страха. Только отрешенность и спокойствие. Словно ни толпа, ни кровь на траве не имеют к нему отношения.

– Вот, – я приподнял инструмент и положил рядом с ним.

Музыкант улыбнулся.

– Спасибо.

Женщина, перевязывая раненого, кинула на меня быстрый взгляд.

— Что это?

— Его гитара. Что же еще?

— Ясно, — она обернулась к мужчине в кипе, — Долго там еще?

Тот пожал плечами.

— Едут.

Не успела она закончить фразу, как где-то неподалеку прогремели выстрелы: бах-бах-бах!

Толпа стихла.

С соседней крыши сорвалась стая испуганных птиц.

Люди у веранды повернули головы в сторону, откуда исходил звук. Затянулось несколько секунд, а затем вновь: бах-бах-бах!

По толпе прокатился шепоток.

Зазвучало множество голосов, и площадь потонула в их гуле.

Прошло около минуты, прежде чем вдалеке послышался вой сирен. С каждым мгновением он становился все ближе.

Никогда в жизни я так не радовался этому звуку.

Скорая и полиция приехали почти одновременно. Медики (двое мужчин с бесстрастными лицами) действовали слаженно. Словно механики на «Формуле-1», которые за несколько секунд меняют резину участнику гонки. Перебрасываясь короткими фразами, они осмотрели музыканта. Задали несколько вопросов женщине, которая останавливала кровь. Затем, как по команде, подняли раненого на носилки и понесли в фургон.

Я хотел передать им гитару, но девушка в полицейской форме остановила меня:

— Пожалуйста, ничего здесь не трогайте.

На вид ей было не больше тридцати, может, даже меньше. Рост, чуть выше среднего. Вьющиеся волосы собраны в пучок. Форма сидит как влитая. В миндалевидных глазах — уверенность человека, который не раз сталкивался со смертью.

И как вместо бьюти-блогеров такие девчонки становятся полицейскими?

— Здесь место преступления. Нельзя ничего выносить.

— Это гитара того парня.

— И?

— Он просто хочет взять ее с собой.

— Куда? В больницу?

Хотелось возразить, но она была права. Глупо, конечно.

Подошел еще один полицейский. Невысокого роста мужчина под сорок. Полосок на погонах у него было заметно больше. Телосложение крепкое, никакого пивного живота. Видно, что регулярно занимается спортом. Глубоко посаженные глаза смотрят по-бульдोजьи: пристально и изучающе. На загубелом лице многочисленные следы от угрей. Похоже, юность была — не позавидуешь. Сложно, наверное, пригласить девушку на свидание, когда у тебя не кожа, а лунная поверхность.

— Сержант Шираби, — представился он.

Голос у него был под стать внешности. Глуховатый и надтреснутый. Будто шел со дна глубокого колодца.

— Твой инструмент?

— Нет, того парня, — я кивнул в сторону скорой.

Полицейский проследил за моим взглядом.

— Ничего. Мы ему вернем. Ты видел, как это случилось?

— Нет. Я был на веранде. Вышел, когда все уже произошло.

— Ладно. Мы запишем твои данные, — он протянул мне визитку.

— Если вспомнишь что-то важное, звони.

Я автоматически сунул визитку в карман.

— А что с нападавшим?

Сержант снова посмотрел мне в глаза. Что-то для себя уяснил, и, пожевав губами, произнес:

— Ликвидирован.

Этот короткий ответ подвел черту под сегодняшним вечером.

Подъехали криминалисты, и место преступления оградил лентой.

Глава 2

Хочу рассказать о том, как я впервые увидел Полину. Мне тогда было двадцать три. Ей на год меньше.

Я недавно приехал в страну и готовился к поступлению в колледж. Мечтал стать оператором. Снимать клипы и кино. Казалось, впереди целая жизнь. От открывающихся возможностей захватывало дух.

На выходные мы с друзьями выбирались в Тель-Авив. Смотрели на огни большого города, валялись на пляже, изучали новые бары. Сказать по правде, все они для нас были новыми. Ведь сами мы жили в студенческой общаге, и из окна видели только бесконечные зеленые холмы и апельсиновые рощи. Это, конечно, было прекрасно, но, когда тебе немного за двадцать, хандра накачивается уже через пару недель.

В тот период у меня началась пора, которую условно можно назвать «временем поиска новых смыслов». Все мои друзья приехали из разных городов бывшего СССР, и у каждого был свой багаж, с которым нам предстояло втиснуться в новую реальность.

— Ну, что, выберемся сегодня куда-то? — спросил однажды Тим.

Знарок ночных клубов, для меня, он был чем-то вроде проводника в Шамбалу. И я следовали за ним с раскрытым от удивления ртом.

Гриша — питерский интеллигент, взбунтовавшийся против родительской опеки, постоянно увязывался за нами.

— Поехали, — с ходу согласился он.

И мы поехали.

В тот вечер мы выбрали клуб, куда поначалу нас не хотели даже пускать. То ли охранникам не понравились наши физиономии, то

ли ещё что. Но после недолгих препирательств, пару двадцаток с Джексоном послужили нам пропускным билетом.

Оказавшись внутри, мы направились напрямиком к бару. Коктейли, которые Тим советовал, оказались с подвохом — пились легко, но на самом деле были довольно крепкими.

Мы быстро набрались, и вскоре нам стало все равно — кто там диджействует у пульта, и какие треки сводит.

— Как впечатление? — перекивая музыку, спросил Тим.

— Отличное, — с улыбкой ответил Гриша. Его поплывший взгляд скользил по девушкам, которые находились поблизости. — Просто супер.

Тим помешал лёд в своем бокале с содовой и взглянул на меня.

— Мэттью, а ты что скажешь? Нравится клуб?

— Ничего так. Вроде.

— Давай-ка ещё пару шотов, старичок. А то ты что-то заскучал.

Мы выпили, поболтали о всякой чуши. Тим отправился на поиски травки, а Гриша подсел к девушке, по виду вдвое старше него. Я мысленно пожелал им удачи и пошел в туалет. Хотелось умыть лицо холодной водой — это иногда помогало не пьянеть слишком быстро.

Когда я немного пришел в себя, то решил направиться к сцене. Там крутилось много симпатичных девчонок. Но, как оказалось — большинство с парнями.

И я вернулся обратно к стойке. Тут работал кондиционер, и музыка звучала чуть тише. Во всяком случае, не приходилось кричать, чтобы бармен мог тебя услышать.

В голове у меня уже слегка шумело. Я заказал пива, забрался на высокий барный стул и принялся изучать полки с выпивкой. Насчитал около сотни названий, но вскоре это занятие мне надоело.

Покрутив головой, я увидел Полину. Что ее зовут именно так, я тогда, конечно, не знал. Она сидела в нескольких метрах от меня и набирала сообщение.

До меня донесся ненавязчивый цитрусовый аромат ее духов.

Длинное сиреневое платье — точно по фигуре. Рядом с недопитым бокалом вина элегантная замшевая сумочка. На ногах открытые босоножки.

Не очень-то подходящий наряд для ночного клуба. Но Полина выглядела в нем естественно. Распущенные каштановые волосы небрежно падают на плечи. Я так и не смог понять, намеренная это небрежность или случайная. Но влюбился моментально, не успев толком осознать, что произошло. Просто понял, что хочу каждый день засыпать рядом с этой женщиной.

Я все ждал, что сейчас появится какой-нибудь ухажер, обнимет ее и уведет куда-то. Но время шло, а никто не появлялся.

Через минуту-другую Полина заметила, что я на нее смотрю. По ее лицу скользнул свет софита, и я смог разглядеть ее глаза. Огромные, цвета кофейного ликера, они притягивали взгляд, будто два мощных магнита.

Я отпил пива. И понял, что не чувствую его вкуса.

— Угостить тебя чем-нибудь? – спросил я, подсев ближе.

Не лучший способ познакомиться, но все же я рад, что мой голос не дрогнул. А если и дрогнул, то самую малость.

— Нет. Мне на сегодня хватит, — она постучала пальцем по своему бокалу.

— Часто здесь бываешь? – уже более уверенно спросил я.

— Не так чтобы очень. А ты?

— Сегодня впервые.

— Ну и как тебе?

На фоне ее мягкого голоса все остальные звуки казались белым шумом.

— Да я не очень-то разбираюсь в клубной жизни. Просто вырвались с друзьями в город, чтобы не помереть с тоски в общежитии.

— Учишься?

— Пытаюсь. Хочу стать кинооператором. А ты?

— Пока еще не решила.

— Но тебе что-то нравится?

— Да, много вещей... Слишком много. В этом-то и проблема.

— Ничего. Еще определишься. А что тебе советуют друзья? – спросил я после небольшой паузы. – Ну, насчет учебы?

— Знаешь, большинство людей, с которыми мы общаемся, не раскрывают наш потенциал, — она провела пальцем по губам и поставила бокал на стойку. — Когда у нас что-то случается, первое, что мы делаем – это звоним близким. Другам, родителям. Людям,

которых любим. Психологу. Не важно. Главное, мы уверены — нам помогут. Но фишка в том, что никто из этих людей не оценивает нас объективно. И поэтому, все их советы — это лишь предположение, как бы они поступили на твоём месте. Но они не мы. И никогда нами не будут.

— Звучит банально.

— Так и есть. Банальней некуда. Но все об этом почему-то забывают.

— Наверное, это такой защитный механизм.

Я достал сигареты и попытался вспомнить, когда в последний раз влюблялся. Перебрал в памяти девушек, с которыми встречался (благо их было не так уж много). Нелепые обещания, которые не стоило давать. Теперь все это казалось далёким и каким-то тусклым. Будто все краски выгорели на солнце.

— Как тебя зовут? — спросил я после короткой паузы.

— Полина.

— А тебя?

— Матвей.

Мне нравилось, как звучит её имя. И я все силился понять — нравится мне оно само по себе или потому, что оно принадлежит ей.

В этот момент из темноты вынырнул Тим. Не говоря ни слова, он стянул у меня сигарету.

— У всех кончилось курево, — Тим щелкнул зажигалкой, затем выпустил в потолок облако дыма, и взглянул на Полину.

— Ого, малыш! — он похлопал меня по спине. — Да ты времени даром не теряешь!

Танцпол ревел. Часы над стойкой показывали половину третьего ночи.

— Полина, это Тим. Тим, это Полина.

— Что ты нашла в этом зануде? — Тим произнес это так, будто разговаривал с давней знакомой.

— Собутыльника, — ответила Полина.

— Вот черт! И почему ему вечно достаются все сливки?

— Слушай, Тим... — вмешался я.

— Не парься, малыш. Я просто прикалываюсь.

— Давно общаетесь? — спросила Полина, когда он ушел.

— Как приехали.

Она была единственной девушкой, которая не удивилась, что у нас может быть общего.

Ночью пошел дождь. Небо заволочло рваными тучами. Тонны воды изливались на землю, словно где-то наверху сорвало кран.

Я съехал с шоссе и заглушил двигатель. Тяжелые капли барабанили по крыше и извилистыми струйками стекали по лобовому стеклу. Несколько минут я молча вслушивался в этот звук.

В окно врвался запах мокрой земли. Я достал сигареты, закурил и стал наблюдать за тем, как медленно запотевают стекла. По трассе проносились машины. Дрожащие огоньки фар таяли во тьме.

Вместо того, чтобы поехать домой я продолжил работать, как будто ничего не случилось. И теперь меня мучил вопрос – почему? Ведь дома меня ждет самый близкий человек. И все же я предпочел сидеть один посреди дождя в машине с заглушенным двигателем.

Радио молчало.

Во мне ожил целый ворох полузабытых воспоминаний. Я чувствовал себя отрезанным от всего мира. Картинки из прошлого сплетались в одну черно-белую короткометражку, которую какой-то невидимый оператор неспешно прокручивал в моей голове. А события сегодняшнего вечера понемногу теряли яркость. В какой-то момент мне начало казаться, что они произошли не со мной, а с кем-то другим. И я просто зритель в пустом кинотеатре, который, спасаясь от бессонницы, пришел на ночной сеанс.

Стоило бы позвонить Полине. Хотя бы ради того, что услышать ее голос. Но я не позвонил. Вместо этого я взял телефон и начал механически прокручивать список контактов. Удалять ненужные номера, случайные записи. От кого-то я слышал, что монотонная работа неплохо помогает справиться со стрессом. Похоже, что-то в этом есть.

Так я добрался до номера Тима. Странное ощущение снова видеть на экране его номер.

Мы не общались, наверное, уже лет пять. А то и больше. Черт возьми, как же быстро они пролетели! И вроде ведь ничего особенного не произошло. Мы не поругались, не затаили взаимных обид.

Всего лишь повзрослели, а жизнь тем временем взяла свое. Достаточно было просто не мешать ей.

Что если позвонить Тиму прямо сейчас? Я взглянул на часы. Половина первого ночи. Раньше для нас это было детское время.

Но это раньше.

Допустим, он не поменял телефон. И даже ответит. Что я ему скажу? Извини, что не звонил пять лет? А тут вдруг вспомнил про тебя и решил поболтать?! Звучит по-идиотски.

Тем не менее, я все же набрал его номер.

Глубоко затянулся, выдохнул в окно дым и принялся вслушиваться в долгие гудки. Насчитал ровно десять, но трубку так никто и не взял. Я уже собрался сбросить вызов, но тут включился автоответчик.

— Привет, засранцы! Если вы знаете этот номер, значит вы точно не из банка и не из полиции. Выкладывайте, что хотели, и может быть, я вам перезвоню. Если оно того, конечно, стоит.

Я улыбнулся. Это был все тот же Тим. Пусть и в записи.

— Привет, старик. Это Матвей. Даже не знаю, что сказать. Извини, что пропал так долго. Просто хотел узнать, все ли у тебя в порядке? Тебя нигде нет. Ни в одной социальной сети. И я понятия не имею, где ты и как. В общем, перезвони, как будет время. Это мой номер. У тебя, наверняка, определился.

По трассе промчался грузовик, который обдал мою машину водой. Я затушил окурок и прикрыл окно.

В том, что я решил позвонить Тиму, можно было отметить два положительных момента. Во-первых, я перестал заикливаться на том, что не сделал этого раньше, а во-вторых, мне расхотелось напиваться в одиночестве.

Проснувшись следующим утром, я первым делом взглянул на телефон. Надеялся увидеть ответ Тима. Но никаких новых сообщений или пропущенных звонков не обнаружил.

Я встал с кровати и прошел в гостиную.

Полина сидела на диване и смотрела новости.

Диктор говорил о встрече премьер-министра с представителями совета поселений Иудеи и Самарии. Обсуждались вопросы безопасности и распространения суверенитета на территории, заселенные израильтянами.

– Доброе утро, – сказал я.

– Привет, – Полина оторвалась от экрана и посмотрела на меня.
– Выспался?

– Да. А ты?

– Ну-у, так.

Через полуприкрытые жалюзи пробивался яркий солнечный свет. В его лучах плавали маленькие пылинки.

– Слышал о теракте на площади? Только что передавали.

– Нет, – соврал я.

– Какой-то придурок накинулся на людей с ножом.

– Есть пострадавшие?

– Нет, только раненые.

Я обрадовался. Значит, музыкант жив!

Полина взяла с дивана пульт и немного убавила громкость.

– Даже не верится, что это происходит прямо у нас под носом, – она подобрала ноги и набросила на них плед. – И неизвестно, когда это произойдет в следующий раз.

Несколько секунд я молча наблюдал за экраном, на котором мелькали кадры с площади, и надеялся, что оператор не выхватил из толпы мое лицо.

Камера задержалась на следователе в тот момент, когда он давал интервью СМИ. Затем переметнулась на машины скорой. На этом сюжет закончился. Диктор перешел к следующей новости – строительству современной больницы в Верхней Галилее.

– Ладно, я в душ.

– Яичницу пожарить?

– Нет, спасибо. Сам что-нибудь приготовлю.

Я зашел в ванную, закрыл за собой дверь.

С каких пор я начал врать Полине? Понятно, что не стоило заставлять ее волноваться, но ведь со мной ничего не случилось. Так почему бы не рассказать все как есть?

Мальчишка на пассажирском сиденье заерзал и начал капризничать. Я посмотрел в зеркало заднего вида и увидел, как смешно он хмурит веснушчатый лоб.

— Когда мы уже приедем?

Худощавый мужчина в поношенном сюртуке покачал головой и сказал:

— Потерпи, сынок. Ничего не поделаешь. Пробки.

— Но почему именно сейчас? Когда мы едем в зоопарк? Ни часом раньше или позже!? Ведь так мы куда не успеем.

— Успеем. Если небесам будет угодно.

До светофора оставалось еще несколько километров, но в голосе отца звучало столько уверенности, что я невольно прикусил губу, чтобы не возразить. В полосе для такси укладывали новый асфальт, и нам пришлось ехать в общем потоке, который едва двигался.

Мальчишка подпер кулаком щеку.

— Но почему бы Богу не захотеть, чтобы пробок не было вообще?

— Видимо потому, что тебе лучше приехать попозже.

— Но ведь все остальные уже там!

— Остальные – это не ты.

Мальчишка поправил сползающую на затылок кипу.

— Лучше бы я поехал с мамой...

По лицу мужчины пробежала тень.

— Ладно, — сказал мальчишка. — Извини. Просто почему со мной вечно что-то случается?

— А почему с хорошими людьми случаются плохие вещи?

Мальчишка задумался.

— Не знаю.

— И никто не знает.

— Почему «никто не знает»?

— Потому что, если бы мы знали причину — нас бы все устраивало. А Он, видимо, ждет от нас другого.

— Чего?

— Чтобы мы не переставали задавать вопросы.

Они вышли у зоопарка. Я смотрел им вслед, и пытался вспомнить, какие истории рассказывал мой отец.

Их было не так уж и много. Он ушел, когда мне исполнилось семь. С тех пор я виделся с ним всего несколько раз. Один из них — когда мама продавала квартиру. Тогда ему пришлось приехать, подписать какие-то документы. Мы встретились возле нашего подъезда, и он спросил:

— Уезжаешь?

— Угу.

— Что-то получше Израиля придумать не мог?

— Получше? — переспросил я.

Он как-то странно посмотрел на меня и больше ничего не сказал. На этом наша короткая встреча закончилась.

— На этот раз все кончено, — девушка держала телефон у уха и смотрела в окно. На ее запястье поблескивала золотая цепочка. — Говорю тебе. Это был последний раз.

Она под села возле зоопарка. Сказала, что ей нужно как можно быстрее попасть на автобусную станцию.

На вид ей было лет двадцать пять. Она выглядела немного подавленной и отстраненной. Ни на что вокруг не обращала внимания. Говорила сбивчиво и невпопад.

Взглянув на нее, я поймал себя на мысли, что она кого-то мне напоминает. Только кого — хоть убей, не помню.

На светофоре я снова посмотрел на нее в зеркало заднего вида и вдруг осознал, что мне сложно отвести взгляд.

Длинные волосы медово-пшеничного цвета. Светлая кожа с теплым подтоном. И выразительные глаза цвета зеленой дымки.

Мы точно где-то виделись. Только где? Когда? Не помню.

Черт возьми, что у меня с руками? Почему ладони такие мокрые? И по спине будто пробежал холодок?

— Мы ничего не обсуждали, — сказала она в трубку. — Я просто оставила ключи и ушла.

Зажегся зеленый. Сзади начали сигналить.

Я тронулся с места и попытался собраться.

Нужно просто делать свою работу. Крутить баранку. Ни о чем не думать. У меня есть дом. Полина...

Но ни на какую автобусную станцию ехать мне не хотелось. Хотелось остановиться и сказать, что...

Да, в общем-то, и неважно, что именно. Главное – говорить. С ней.

– Вещи заберу на следующей неделе. Пока поживу у подруги, – сообщила кому-то девушка. – Хотя бы не буду опаздывать на репетиции.

Во мне гудел целый рой невысказанных слов. В другой ситуации, они, наверное, могли бы что-то значить. Но в данный момент я довез ее до места, так ничего и не сказав.

Девушка вышла из машины.

Я помог ей достать ей чемодан.

– Спасибо, – мягко произнесла она.

Я увидел свое отражение в ее глазах.

– Не за что.

Пока она искала в портмоне наличные, я мельком увидел имя на ее кредитке. Несколько секунд хватило, чтобы я прочитал его. А прочитав, едва не выронил чемодан из рук.
